

УДК 398.91:93/94:17.022.1

Истоки пословичной назидательности

Е.В. Ничипорчик

Статья посвящена анализу существующих точек зрения на источники формирования надэтнического компонента в паремиологических картинах мира. Выражается предположение, что основную причину содержательной корреляции разноязычных пословиц следует усматривать в том, что их коммуникативно-прагматическая направленность специфична и обусловлена ориентацией на ценности, имеющие общечеловеческий характер.

Ключевые слова: пословица, функция, назидание, провербиальная форма, источники, знание, ценности.

This article analyzes the existing points of view on the sources of forming the supra-ethnic component in the paremiological pictures of the world. The assumption is expressed that the root cause of intentional correlation of multilingual proverbs is to be considered in the fact that their communicative-pragmatic directedness is specific and is determined by the focus on the universal values.

Keywords: proverb, function, edification, proverbial form, sources, knowledge, values.

По мнению большинства отечественных и зарубежных паремиологов, одной из существенных характеристик пословиц является назидательность. Дидактическая функция пословичных выражений осмысливается как побуждение следовать тем или иным жизненным нормам и руководствоваться практическими рекомендациями, детерминированными этими нормами. Формирование представлений о том, какие ценности составляют основу бытия человека, к чему следует стремиться, а от чего отстраняться, относится к той далёкой древности, когда человек научился видеть в единичных и случайных фактах закономерное, когда им была осознана насущная потребность передавать накопленный опыт другим людям, когда стало очевидным, что общежитие невозможно без определённого рода правил, которых должны придерживаться все члены коллектива. Известный русский паремиолог И.М. Снегирёв именно так объясняет причины появления в человеческом обществе пословичных изречений: «Когда народ, освобождаясь от оков грубого невежества, начинает наблюдать и размышлять, тогда у него появляются плоды его наблюдений и размышлений в кратких, резких и замысловатых изречениях, кои обращаются в пословицы. Сии изречения людей, среди народа превосходных умом и долговременною опытностью, утверждаясь общим согласием, составляют мирской приговор, общее мнение, одно из тайных, но сильных, искони сродных человечеству средств к образованию и соединению умов и сердец» [9, с. 151]. Вслед за И.М. Снегирёвым и В.И. Даль определяет пословицу как «приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности» [1, с. 10]. Регулятивную функцию пословиц признают в качестве основной или, по крайней мере, выводимой с жёсткой необходимостью из содержания пословичных выражений и современные паремиологи [20, р. 79], [17, р. 213], [2, с. 88], [4, с. 7 и др.]. Итальянские фольклористы Р. Шваменталь и М. Страньеро полагают, что есть все основания считать назидательную функцию для пословичных изречений первичной, однако ставят под сомнение ставшее практически аксиоматичным утверждение, что паремии являются «гласом народа» [19, р. V–VI].

Во-первых, по мнению данных исследователей, не всё, что продуцируется народом в процессе коммуникации, справедливо и мудро, есть основания утверждать, что народу свойственно выражать также глупость, заблуждения, противоречивые мнения. Может быть, задаются вопросом Р. Шваменталь и М. Страньеро, только эта часть и представляет собственно «хвалёную мудрость» народа [19, р. V]. На факт неоднородности пословичных изречений, оцениваемых с точки зрения здравого смысла, обращали внимание и отечественные паремиологи [9, с. 309], [1, с. 10], [5, с. 42].

Вторая причина, которая побуждает исследователей обращаться к проблеме поиска источника знаний, аккумулированных в паремиологических единицах, заключается в том, что знания эти, и в наибольшей степени, по мнению И.М. Снегирёва, именно те, что касаются «до права естественного и нравственности» [9, с. 152], оказываются общими не для одного, а для многих народов, говорящих на разных языках и представляющих разные культуры. Кому не известны выражения: *Не рой другому яму – сам в неё попадёшь; Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня; Дарёному коню в зубы не смотрят; На бога надейся, а сам не плошай; Век живи, век учись; Лёжа и камень мхом обрастет*. А ведь пословицы с таким смыслом, согласно словарю Д. Пацолая, встречаются более чем в 40 языках евразийского континента [18]. Сопоставительный анализ паремий многих народов мира позволил Г.Л. Пермякову прийти к поразительным выводам. В пословичном фонде любого языка, по его мнению, можно найти соответствия для каждой пословицы и поговорки другого языка, всё дело только в полноте сборника, и «ни родство, ни контакты, ни даже сама история народов не являются решающими причинами сходства разноязычных паремий» [5, с. 25, 27]. Что же тогда может быть источником общих для всех народов знаний, являющих собой зёрна рационального мышления и ориентирующих людей на одни и те же ценности? Ответы на этот вопрос у современных учёных различны.

По замечанию итальянского паремиографа А. Артабера, эти знания, облачаясь в одежды разных времён, указывают на то, что источник человеческой морали, по-видимому, один [13, р. IX–X]. Небезосновательными в связи с этим являются предположения учёных, что таким источником могут быть, прежде всего, религиозные учения. Большая часть доктрины Иисуса Христа, отмечает А. Артабер, изложена с использованием провербиальных формул [13, р. VIII]. «Кто не знает, что все формы человеческой мысли находят свои архетипы и высочайшую выразительность в притчах Соломона», – пишет А. Артабер [13, р. VIII]. В настоящее время можно только строить предположения относительно авторства книги притч Соломона. Неизвестный автор жил в период правления Эзехия, и написание книги было завершено к 717 году до нашей эры [19, р. VII]. Р. Шваменталь и М. Страньеро указывают, что центральный раздел данной книги имеет значительное сходство с другим письменным источником, автором которого является египетский священник Амен-ем-хопе. Не исключено, отмечают Р. Шваменталь и М. Страньеро, что обе книги, написанные примерно в одно и то же время, могут восходить к общему, неизвестному нам источнику [19, р. VII]. Это означает, что субъект не имеющих социальных барьеров истин, в том числе и тех, которые нашли отражение в других книгах Священного Писания, растворяется в «седой древности» [19, р. VI], [14, р. XLIII].

Для современных когнитологов, занимающихся поиском универсального и специфического в пословичной категоризации и концептуализации мира, решение вопроса о том, кто же именно является субъектом знаний, нашедших отражение в паремиях того или иного этноса, является крайне затруднительным. «Попытка установить, каким нациям принадлежит отцовство того или иного изречения, – пишет А. Артабер, – дело столь же бесполезное, напрасное, как и попытка выяснить его автора. <...> Греки заимствовали паремии с Древнего Востока, затем передавали их римлянам, от римлян паремии перекочевали во все языки западного мира, в особенности благодаря труду Эразма: в своём «Адажио» он перевёл на позднюю латынь многие греческие и латинские паремии, которые затем распространились по всей Европе и превратились в национальные варианты» [13, р. XI, XIII].

Учитывая то, что пословицы как жанр существовали и у шумеров, чьё пребывание на Земле относится к IV–III тысячелетию до нашей эры, и шумерские пословицы имеют общие мотивы с ныне существующими провербиальными выражениями, поневоле задаёшься вопросом, не берёт ли начало нравственный дидактизм паремий в так называемом «моральном чувстве», присущем, по мнению трансценденталистов, всем людям, в «сверхдуше» (термин Эмерсона), интуитивно раскрываемой в человеческой повседневности [10]. Или решение проблемы следует искать во внеземном источнике, программирующем особым образом развитие человеческого сознания, и знание «Абсолюта» считать «прививным»? Разве сегодня

кто-нибудь не согласится с шумерами в том, что *Балованная собака становится щенком; Воин без командира – поле без пахаря; Если ты осторожен – Бог твой с тобой; Из двух зол выбирать не стоит; Не делай зла – не будешь в вечном страхе; Кто чувствует стыд, тот начинает чувствовать долг* [12]? «Ежели здравый смысл и народная мудрость есть правило, свыше внушенное человеку и сохраняющее всюду в существе своем первобытное единство, – писал в XIX в. И.М. Снегирёв, пытаясь объяснить многочисленные факты содержательного сходства разноязычных паремий, – то и пословицы, как правила народного благоразумия, имеют почти одинаковый смысл у всех племен древних и новых, хотя в выражении своем и представляют разнообразие от местных причин и от особенного взгляда на предметы. <...> Сходство их происходит не от того только, что один народ сообщил сии правила другим, а от того, что оно впечатлено в чувствах и мыслях человечества; так что даже и заимствованы сии правила по врожденному ощущению справедливости и по аналогии оных» [9, с. 151–152].

Несомненно, рациональным является современное объяснение обнаруживаемого при сопоставлении разноязычных паремий содержательного сходства единством человеческой природы, общими биопсихическими качествами людей, которые заставляют разные народы осмыслять одни и те же вещи и обнаруживать одни и те же отношения между ними [7, с. 367]. Не удивителен в связи с этим и тот факт, что пословичные фреймы и сценарии в отвлечении от их образно-символической составляющей (обычно национально маркированной), равно как и способы варьирования исходных пословичных идей [5, с. 31], в лингвокультурах разных народов совпадают. И совпадают не только потому, что пословицы являются знаками повседневных ситуаций, «отражающих стереотипы человеческого общежития» [2, с. 90], но и потому, что предписываемые пословичными сценариями действия и схемы поведения представляют собой правила, продиктованные самой жизнью.

Проверенная веками достоверность и социальная значимость знаний, отражённых в пословицах, обеспечивают преемственность провербиальных единиц и их востребованность во все времена. Однако гномико-сентенциозного содержания недостаточно, утверждают Р. Шваменталь и М. Страньеро, чтобы выражение стало пословицей и обрело силу закона [19, р. VII]. Форма, лаконичная, запоминающаяся, впечатляющая, в максимальной степени функционально ориентированная, – вот что придаёт пословичному изречению, по мнению Р. Шваменталья и М. Страньеро, особую убедительность и истинное бессмертие [19, р. VII]. Итальянские исследователи обращают внимание на то, что приёмы «поэтизации», характерные для античных паремий, дублируются в паремиях последующих столетий и тысячелетий: контраст, аналогия, неожиданная ассоциация, разоблачение, юмор, лукавство, рифма, ритм, аллитерация, ассонанс и т. п. [19, р. VI, VII]. «И хотя пословица может быть без общеизвестного автора, – пишет А. Артабер, – нет возможности верить в её спонтанное зарождение, каждое из выражений должно иметь автора, который, вероятно, не мог сделать ничего другого, чем дать тело всем неустойчивым убеждениям людей, среди которых он жил, погружая эти убеждения в форму, более удачную, чем та, которая была услышана или была произнесена ранее [13, с. IX]. Такого же мнения придерживаются и другие исследователи [3, с. 479], [11, с. 33], [2, с. 20 и др.]».

Представление об авторе провербиальных формул как о человеке незаурядном, личности с креативным мышлением выводит нас на ещё одну важную проблему в решении вопроса о происхождении провербиальных выражений: в какой мере паремии, являющие собой «поэтические микрофакты» [15, с. XVI], можно считать фактами экстралитературными?

Отмечаемое многими исследователями смешение паремий народного и литературного происхождения в собраниях паремиологических единиц XII–XIII веков, по мнению В. Боджоне, сводит на нет усилия паремиологов, связанные с уточнением источников значительного количества европейских провербиальных выражений. В. Боджоне сетует на то, что при составлении одного из самых объёмных словарей итальянских паремий, включающего 30000 паремиологических единиц, авторский коллектив зачастую рисковал «присвоить статус пословицы чеканке автора», так как на проверку выходило, что «дистанция меж-

ду паремиями и максимами литературного происхождения не такая уж и большая» [14, р. XXVII]. В. Боджоне упоминает Данте, в произведении которого «стекаются многочисленные материалы, берущие начало из сборников сентенций средних веков, а также традиционные народные провербиальные выражения» [14, р. XXVII]. Данте и сам являлся автором многих выражений, которым он придал характер народных и которые впоследствии стали расхожими, в итоге, паремиографам невозможно установить точно, какие же сентенции являются собственно дантовскими, а какие народными в дантовской обработке [14, с. XXVII]. Аналогичные трудности испытывают учёные при оценке выражений, приписываемых Д. Чосеру, У. Шекспиру, Б. Франклину [2, с. 134], [16, с. 99]. Список писателей и общественных деятелей, использовавших провербиальную форму для передачи оригинальных или чужих мыслей, творческой обработки заимствованных выражений, может быть продолжен.

Очевидно, что происхождение паремий неоднородно. А. Артабер в предисловии к семязычному паремиологическому словарю указывает на несколько источников формирования европейских паремиологических фондов. Во-первых, это устное народное творчество, имеющее очень древние корни. «Семена здоровой морали» были рассеяны по всей Европе благодаря философам, эрудитам, поэтам и прозаикам, которые употребляли паремии в своих произведениях, комментировали их и составляли сборники. Во-вторых, христианское учение, наставления евангелистов, облечённые в провербиальную форму, в которой и попали на уста народа. В-третьих, книги прославленных писателей: авторские речевые обороты, максимы и сентенции, покинувшие контексты и превратившиеся с течением времени в универсальные пословицы. В-четвёртых, заимствования как проявление реальной жизни языка [13, р. VII–XI]. К аналогичным выводам приходят и другие учёные, добавляя к этому списку басни, острые ответы и шутки, диалоги [9, с. 156], [6, с. 96]. Несомненно, формирование паремиологических фондов разных народов имеет свои особенности, проявляющееся как в разной степени значимости того или иного источника [2, с. 136], так и в наличии специфических источников. Так, например, в числе источников русских паремий И.М. Снегирев упоминает старинные решения и приговоры на мирских сходках, судебные обычаи, законы и постановления [9, с. 156], И.М. Сирот считает, что на формирование русских пословиц существенное влияние оказал «Домострой» [8, с. 8].

У каждого паремиологического фонда своя судьба и своя история, различной является доля участия в продуцировании паремий представителей разных сословий, родов занятий и т. п. Однако выявляемые учёными закономерности пословичной концептуализации мира позволяют конструировать и отвлечённый образ продуцента паремий, то есть того, кто случайно или по велению чувства долга становился проводником полезного для общества слова, того, кто проявлял способность оценивать свои и чужие поступки, давать советы и рекомендации исходя из принятых в обществе представлений о благе.

В соответствии с материалистическим подходом к объяснению всего сущего источником назидательных смыслов паремиологических единиц следует признать человеческое сознание, отражающее опыт познания мира и выстраивающее соответствующие данному опыту ценностные парадигмы. Субъект знаний, аккумулированных в паремиях любого этноса, собирательный, его социальная роль – член общества, равнодушный, беспристрастный, с поэтическим складом ума или, по крайней мере, с развитой интуицией. Исторически для каждого провербиального фонда складываются свои пропорции участия в его создании непросвещённых, «простых» представителей социума и просвещённых людей, в том числе и профессиональных художников слова. Распространители и аккумуляторы пословичного знания – народ как совокупность говорящих на том или ином языке, народ как социум, стремящийся к сохранению всего того, что служит залогом миропорядка. Представляя наиболее общие знания о закономерностях бытия, пословицы не знают ни территориальных, ни временных границ, и поэтому любая паремиологическая картина мира характеризуется наличием надэтнического компонента, формирующегося вследствие совпадения ценностных ориентаций отдельных этносов.

Литература

1. Даль, В.И. Напутное / В.И. Даль // Пословицы русского народа. – М. : Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – С. 5–16.
2. Иванова, Е.В. Мир в английских и русских пословицах : учебное пособие / Е.В. Иванова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та; Филол. ф-т СПбГУ, 2006. – 280 с.
3. Карский, Е. Пословицы и поговорки / Е. Карский // Беларусы. – Мінск : Беларускі кнігазбор. – 2001. – Т. 3. – 640 с.
4. Кумахова, Д.Б. Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира : на материале кабардино-черкесского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.19 / Д.Б. Кумахова; Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х.М. Бербекова. – Нальчик, 2010. – 27 с.
5. Пермяков, Г.Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока / Г.Л. Пермяков. – М. : Наука, 1968. – 375 с.
6. Потебня, А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А.А. Потебня // Теоретическая поэтика. – М., 1990. – С. 55–132.
7. Савенкова, Л.Б. Почему на обиженных воду возят? / Л.Б. Савенкова // Фразеология, познание и культура : сб. докл. 2-ой Международной науч. конф. (Белгород, 7–9 сентября 2010 года) : в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алиференко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 1. Фразеология и познание. – С. 367–371.
8. Сирот, И.М. Русские пословицы библейского происхождения / И.М. Сирот. – Брюссель, 1985. – 112 с.
9. Снегирёв, И.М. Словарь русских пословиц и поговорок; Русские в своих пословицах / И.М. Снегирёв. – Н. Новгород : Русский купец, Братья славяне, 1996. – 624 с.
10. Трансценденталисты // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://iph.ras.ru/elib/3052.html>. – Дата доступа : 19.01.2013.
11. Федоренко, Н.Т. Афористика / Н.Т. Федоренко, Л.И. Сокольская. – М. : Наука, 1990. – 420 с.
12. Шумерские пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://seings.ru/word/shumer.html>. – Дата доступа : 26.08.2012.
13. Arthaber, A. Prefazione / A. Arthaber // Dizionario comparato di Proverbi emodi proverbiali in sette lingue. – Milano : Ulrico Hoepli, Editore, 1995. – 892 с.
14. Boggione, V. Lògos, dialogo, letteratura / V. Boggione, L. Massorbio // Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi. – Torino : UTET, 2007. – P. XXIII–XLVIII.
15. Franceschi, T. La formula proverbiale / T. Franceschi // Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi. – Torino : UTET, 2007. – P. IX–XXII.
16. Mieder, W. Proverb are never out of fashion. Popular wisdom in the modern age / W. Mieder. – N.Y., Oxford, 1993. – 304 p.
17. Obelkevich, J. Proverbs and sozial histori / Ed. by W. Mieder // Wise words. Essays on the proverb. – N.Y., 1994. – P. 211–252.
18. Paczolay, G. European proverbs in 55 languages with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskit, Chinese and Japanese / G. Paczolay. – Hobard, Tasmania : De Proverbio.com, 2002. – 527 p.
19. Schwamenthal, R. Premessa / R. Schwamenthal, M.L. Straniero // Dizionario dei proverbi italiani. – Milano : PCS Libri S.p.A., 1999. – XIII, 564 p.
20. Taylor, A. Selected writings on proverbs / A. Taylor. – Helsinki, 1975. – 203 p.